

ПЕРВЫЙ ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ (ИССЛЕДОВАНИЕ В. Н. МАЙНОВА)

Е. Ю. Захарова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 ноября 2012 г.

Аннотация: в статье содержится анализ первой археологической карты Воронежской губернии (1875 г.), выполненной В. Н. Майновым в связи с исследованием засечно-сторожевой линии.

Ключевые слова: археологическая карта, Владимир Николаевич Майнов, Воронежская губерния, городище, засечно-сторожевая линия, курган.

Abstract: the article contains analysis of the first archaeological map of Voronezh guberniya (1875) compiled by V. N. Mainov in connection with the survey of the abatis line.

Key words: archaeological map, Vladimir Nikolaevich Mainov, Voronezh guberniya, fortified settlement, abatis line, barrow.

Первая карта Воронежской губернии с нанесенными на нее археологическими объектами (городищами, курганами, валами) была опубликована в 1875 г. в журнале «Древняя и Новая Россия» [1]. Ее появление – это один из результатов исследования, проведенного в 1869–1870 гг. членом Императорского Русского географического общества (впоследствии секретарь Отделения этнографии ИРГО), писателем и этнографом Владимиром Николаевичем Майновым (1845–1888).

Автор не ставил перед собой цель создать археологическую карту губернии, он предпринял попытку «привести в порядок разрозненные факты и восстановить по возможности целую систему укреплений, которая должна была ограждать Россию с юго-востока и юга в пределах Воронежской губернии» [1, с. 59]. Для реализации поставленной задачи В. Н. Майнов обследовал территорию «от г. Усмани Тамбовской губернии до слободы Уразовой, находящейся в южной части Валуйского (имеется в виду Валуйского. – Е. З.) уезда Воронежской губернии» [там же], общей протяженностью более 1000 верст в направлении с севера на юг [2, с. 92]. По его словам, при этом не было пропущено «ни одного остатка древних укреплений» [2, с. 92]. Подробному описанию результатов проделанной работы посвящена отдельная статья [1], в которой помещалась и карта (рис. 1); основные выводы доложены на заседании Русского географического общества [2].

Поскольку в данном случае мы имеем дело с историческим исследованием, в котором задействованы археологические источники, вначале кратко остановимся на том резонансе, который вызвала статья В. Н. Майнова в среде историков. Важность и степень изученности данной проблемы рельефно обозначены в фундаментальном

труде его современника Д. И. Багаля (1887): «Нечего доказывать, какое громадное значение в науке русской истории имеет вопрос о колонизации вообще. Это достаточно выяснено С. М. Соловьевым, К. Н. Бестужевым-Рюминым и Ешевским. Вряд ли кто-нибудь будет отрицать также и то, что в настоящее время мы еще далеки от решения этого вопроса» [3, с. 1]. В этой работе автор высказывается и по поводу анализируемой нами публикации: «Статья эта представляет значительный интерес; к несчастью, далеко не всегда оказывается возможным определить время построения тех укреплений, о которых мало сообщаются сведения. Наблюдения и соображения г. Майнова только тогда получают особенную ценность, когда будут пояснены историческими данными. Без этого выводы, которые помещены в конце статьи, не имеют еще полной достоверности» [3, с. 519].

Дальнейшее исследование защитных укреплений Белгородской черты связано с деятельностью воронежских историков во второй половине XX в., прежде всего В. И. Кошелева и В. П. Загоровского. В отношении проделанного В. Н. Майновым первый из них писал: «Майнов не обосновал свои утверждения историческими источниками и не мог обосновать, так как значительная часть его рассуждений представляет фантазию» [4, с. 137]. Наиболее авторитетный специалист по этой проблематике В. П. Загоровский в историографическом обзоре даже не посчитал нужным назвать его имени среди дореволюционных исследователей [5, с. 6–9]; нет упоминания о В. Н. Майнове и в составленной им же Воронежской исторической энциклопедии [6]. Биографические сведения о В. Н. Майнове содержатся в соответствующей статье А. Н. Акиншина в Воронежской историко-культурной энциклопедии [7].

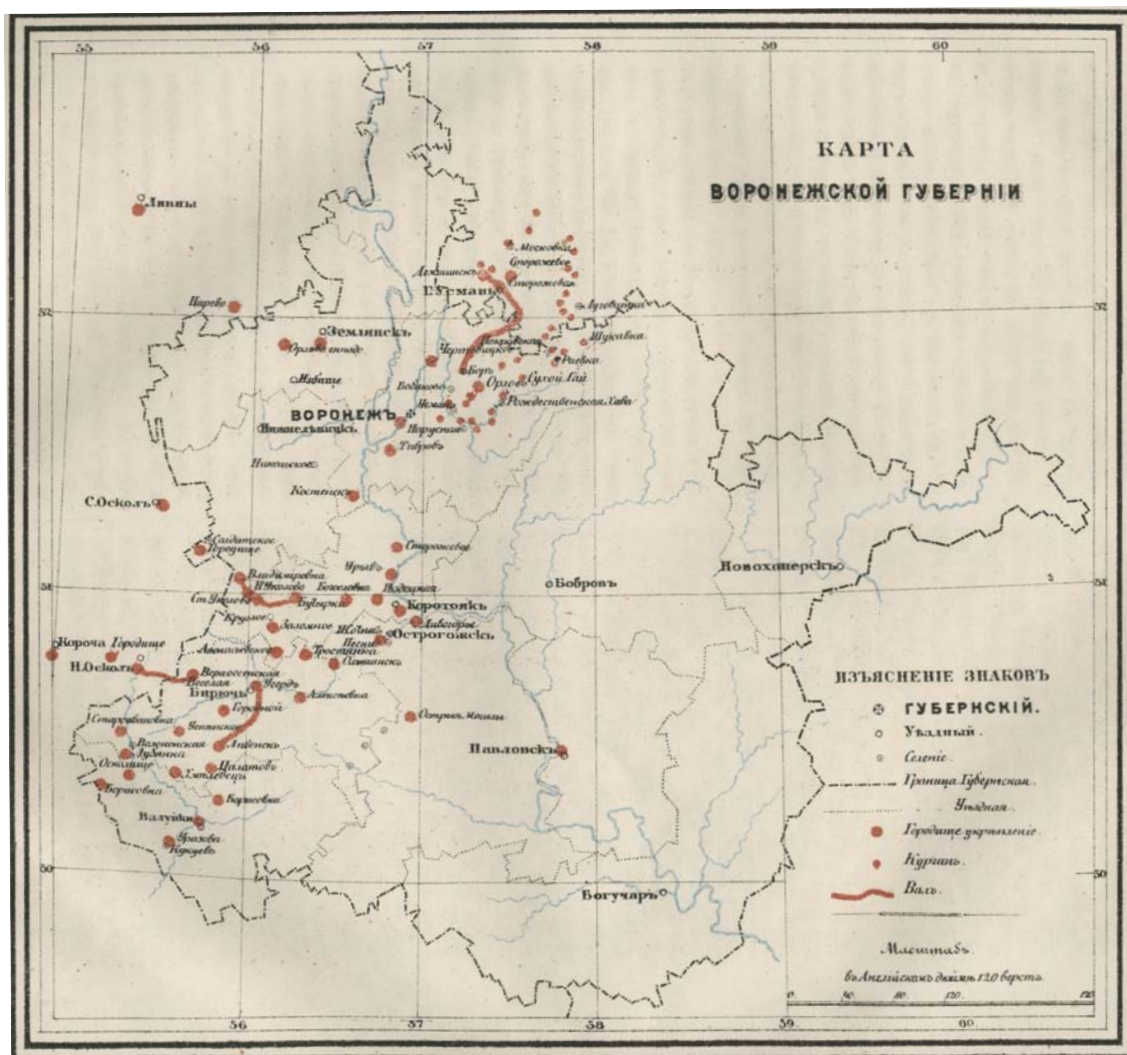

Рис. 1. Археологическая карта Воронежской губернии, выполненная В. Н. Майновым (1876 г.)

Оставив в стороне собственно исторические построения В. Н. Майнова, обратимся к анализу археологической составляющей выполненной им работы. Ее важность обуславливается, прежде всего, тем обстоятельством, что для территории Воронежской губернии впервые фиксируем сам факт археологического обследования указанной местности с сугубо научной целью – выявление сооружений защитно-сторожевой линии.

Несколько слов о той ситуации, в которой проводилось данное обследование. В 1860-е гг. столичные научные сообщества начинают разворачивать активную работу по вовлечению провинциальной интеллигенции в дело изучения своей родины. Эта тенденция прослеживается не только по официальным циркулярам и отношениям, направленным в Воронеж, но и по материалам губернских изданий, в первую очередь «Воронежских ведомостей», поэтому вполне в духе времени выглядит наполненное патриотизмом стремление В. Н. Майнова инициировать такого рода исследования, причем не только в рамках отдельной губернии, но и в масштабах страны. Как зафиксировано в протоколе

заседания Русского географического общества, докладчик выразил желание, «чтоб его работа вызвала подобные же объезды в разных местностях России, так как таким путем явится возможность составить полную карту засек в России ...и приступить к составлению истории колонизации южной, юго-восточной и восточной России» [2, с. 92].

В самой же Воронежской губернии вплоть до конца 80-х гг. XIX в. археологические работы носили частный эпизодический характер; достоверно известно лишь о единичных инициативах местных помещиков (Д. О. Шепинг, Н. Н. Муравьев-Карский), время от времени раскапывавших курганы на своей земле, и редких визитах столичных специалистов на конкретные археологические объекты (А. Я. Кожевников, И. С. Поляков).

В. Н. Майнов занялся изучением этого вопроса, вероятно, также в силу личных обстоятельств: наиболее детально обследованию и картографированию подвергнуты археологические памятники в непосредственной близости от его имения, располагавшегося в Воронежском уезде. В целом протяженность маршрута,

как мы сейчас сказали бы, проведенной археологической разведки впечатляет. Более 1000 км было обследовано, вероятнее всего, за два полевых сезона (1869, 1870 гг.). Именно в это время В. Н. Майнов находился в Воронежской губернии по делам службы. Согласно данным его «Формулярного списка о службе» он – чиновник особых поручений Министерства финансов – в феврале 1869 г. был командирован в распоряжение Главного управляющего Воронежской Казенной палатой [8, л. 24 об.], а в конце февраля 1871 г., по сообщению Н. В. Воскресенского, не вступая в должность секретаря Воронежского губернского статистического комитета, возвратился в Санкт-Петербург [9, с. 584].

Вызывает уважение тщательность обследования территории. Проезжая по избранному маршруту, В. Н. Майнов лично осматривал древности и расспрашивал о них местных жителей. В своей работе он неоднократно указывает на то обстоятельство, что «правильных раскопок в этих местах никогда еще не производилось» [1, с. 61 и сл.], поэтому информация ограничивается рассказами о случайных находках углей, кирпичей, монет, кусков железа, вероятно, ржавого оружия. По его словам, справлялся он и «насчет костей» под курганами, но их «нигде не находили».

Не будем забывать, что в конце 1860-х гг. в научных и околонучных кругах отечественных археологов еще только начинал дискутироваться вопрос о методике археологического картографирования, поэтому исследователи на местах руководствовались в большей степени собственными установками на этот счет. В нашем случае, вероятно, сыграла свою роль специфика образования, полученного В. Н. Майновым в Александровском лицее. Как известно, в этом учебном заведении гуманитарные дисциплины, в том числе и история, занимали значительное место.

В ходе обследования В. Н. Майнов предпринимает попытку не только выявить археологические объекты, используя общепринятые наименования, но и составить их классификацию в соответствии с назначением.

Так, при характеристике курганов он отмечает особенности их расположения, разделяет по величине насыпи, а также указывает на возможные причины разрушения. «Насыпанные в степи, и при том всенепременно или на прикручине берега реки, или на залысине лога, курганы эти, так сказать, командуют местностью на довольно значительное пространство; есть курганы, с которых местность видна в округе верст на 20 и даже более; есть, однако, и такие, которые, вследствие ветров, сносивших с них составлявшую их высохшую глину, а также и вследствие весенних потоков и постоянных распахов, дают возможность обозревать с них местность только лишь верст на 5 кругом» [1, с. 59].

Все сооружения такого типа, выявленные в ходе личного осмотра местности, В. Н. Майнов связывал со строительством «засечно-сторожевой линии» и считал

наблюдательными пунктами, на которых располагались «передовые пикеты», «стояла сторожка». Значительное число выявленных курганов позволило исследователю разделить их на две группы в зависимости от величины насыпи. Первая группа, объединяющая наиболее крупные курганы, по его мнению, предназначалась для постоянных или долговременных сторожек; вторая, к которой отнесены курганы пониже, «снабжались сторожкой в том только случае, когда опасность для сторожевой линии наступала явная» [1, с. 59]. К сожалению, на карте все курганы обозначены одинаково; их общее число – 33.

К курганам первой группы (постоянные сторожки) автор отнес сравнительно небольшое число насыпей (в целом менее двух десятков). Помимо выдающихся размеров, отличительной чертой этих курганов является наличие у каждого прозвища, данного местными жителями, и связанного с ним предания (у Майнова подробно изложены сюжеты, посвященные двум курганам: Кокуеву и Сидоркину [1, с. 60; 10, с. 962–965]). На обследованном участке по направлению от Воронежа к Липецку он перечислил их все в порядке выявления: Гололобовский (близ одноименного хутора в 5 верстах от с. Усмани-Собакиной), Паруснинский (недалеко от с. Парусного, при впадении р. Хавы в р. Усмань), Витневский (у одноименного селения), Поворотный, Сидоркин, два кургана Байгорских, Масоловский или «Крестный», Кокуев (близ с. Княжой-Байгоры), Казацкий (у с. Московского близ дороги Усмань – Козлов) [1, с. 60]. На других участках столь пристального внимания этой группе курганов он не уделил. Курганов второй группы (временные сторожки) В. Н. Майновым учтено гораздо больше; только на участке от Воронежа к Липецку их 23 [1, с. 60–61]; в остальных случаях он воздерживается от указания точных цифр и нанесения соответствующих значков на карту.

Этот подход в оценке курганов был подвергнут критике В. И. Кошелевым, который писал: «Ошибочно также Майнов считает курганы признаками защитной черты. Они не являются сооружениями оборонного характера. Курганы принадлежат не к XVI – XVII векам, а древним насельникам Воронежского края. Лишь при удобстве расположения некоторые из них могли быть использованы для сторожевых постов» [4, с. 139]. В свою очередь отмечу, что при отсутствии в работе подробного описания каждого из выявленных объектов, точка зрения В. Н. Майнова не может быть подвергнута критике. Вполне вероятно, что к категории «курганы», наряду с погребальными комплексами более ранних эпох, отнесены и остатки культовых сооружений, и бытовые памятники.

Но нельзя не согласиться с В. Н. Майновым в том, что «правильно, научно веденная раскопка, по крайней мере курганов первого рода, могла бы дать интересные результаты» [1, с. 61]. Он же с сожалением констатирует: «Но до сих пор ничего еще ровно не сделано ввиду

того, что у людей знающих не хватает для раскопок средств (раскопки обойдутся здесь очень дорого вследствие как дороговизны рабочей силы вообще, так и непривычки местного населения к землекопным работам), а обеспеченным людям не до курганов, да они и не сумели бы взяться за дело» [1, с. 61–62].

Следующей категорией обследованных древностей являются остатки валов. В. Н. Майновым было выявлено и охарактеризовано четыре сохранившихся участка древних валов (см. карту). Наиболее тщательному изучению подвергся первый участок, именуемый Усманским валом. Он был прослежен от г. Демшинска «непрерывно приблизительно верст на 40»; было установлено, что «кое-где имеются прорезы для вылазок», на поворотах «возможно предполагать существование если не башен, то небольших бастионов, или земляных прикритий для сторожки». «Средняя высота его по подъему доходит до 2 сажени, а абсолютная высота немного более одной сажени; ширина его у основания простирается до двух сажени, а в вершине – едва доходит до одной сажени; следует думать, что эскарпов на валу никогда не было» [1, с. 62–63].

Еще одна категория древностей – «укрепленные места или городки». Сопоставив обследованные памятники (всего на карту нанесено 48 городищ), он выделил среди них два типа: степной и горный. В качестве образца первого приводится описание городища в Демшинске, второго – в Дивогорье [1, с. 62, 68–69]. Для авторской реконструкции сторожевой линии важным было еще и то обстоятельство, что некоторые из городков помещались «на самом валу и составляли с ним как бы одно целое» (Демшинск, Сторожевая слобода и др.); иные – «вне непрерывной укрепленной линии» (Сторожевое, Орлов и др.). При описании городков В. Н. Майнов часто оперирует понятием «старое городище», в которое вкладывает всегда одинаковый смысл – «место старого противутатарского городища». Из нескольких десятков обследованных городков-городищ наиболее перспективными для дальнейших археологических раскопок исследователю представлялись следующие: Старое Маяцкое городище (Дивогорье), Ольшанская крепость, Алексеевское городище, Усердское городище, городище в Палатове. Проведенные археологами уже в XX в. раскопки на этих памятниках, как известно, дали разновременные материалы, которые не позволяют считать их звеньями в единой цепи сторожевой линии, в то же время историками на основе письменных источников составлен достоверный

перечень сторожевых пунктов различного ранга Белгородской засечной черты.

Таким образом, хотелось бы отметить, что работа, выполненная В. Н. Майновым, соответствовала ведущим тенденциям в отечественной археологии третьей четверти XIX в., когда необходимость составления археологических карт как важнейшего элемента исследования не только была осознана, но и предпринимались практические шаги по их созданию (к примеру, соответствующие вопросы обсуждались на Всероссийских археологических съездах, начиная с первого). Воронежские исследователи вернулись к вопросу создания археологической карты своей губернии спустя примерно четверть века, но предпринятые усилия не привели к желаемому результату [11, с. 41–49]. Более того, и в настоящее время отсутствует подробная археологическая карта Воронежской области, так что проблема ее создания по-прежнему актуальна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майнов В. Н. Остатки засечно-сторожевой линии в пределах Воронежской губернии / В. Н. Майнов // Древняя и Новая Россия. – СПб., 1875. – Т. 2.
2. Известия Императорского Русского географического общества. – СПб., 1876. – Т. 11, вып. 3.
3. Багалея Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства / Д. И. Багалея. – М., 1887.
4. Кошелев В. И. Городок Орлов и его военная зона в XVII веке / В. И. Кошелев // Известия Воронежского государственного педагогического института. – Воронеж, 1950. – Т. 12, вып. 1.
5. Загоровский В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1969.
6. Загоровский В. П. Воронежская историческая энциклопедия / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1992.
7. Акинъшин А. Н. Майнов Владимир Николаевич / А. Н. Акинъшин // Воронежская историко-культурная энциклопедия. – Воронеж, 2009.
8. ГАВО. – Ф. 29. – Оп. 134. – Д. 3. – 95 л.
9. Воскресенский Н. В. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей»: исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников / Н. В. Воскресенский. – Воронеж, 1888. – Т. 1.
10. Майнов В. Н. Предание о Сидоркином кургане / В. Н. Майнов // Русская старина. – СПб., 1872. – Т. 5.
11. Замаева Е. В. Первые археологические карты Воронежской губернии / Е. В. Замаева // Новик. – Воронеж, 2006. – Вып. 11.

Воронежский государственный университет

Захарова Е. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира

E-mail: ez@hist.vsu.ru

Тел.: 8(473)239-29-35

Voronezh State University

Zaharova E. Y., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Archaeology and History Department

E-mail: ez@hist.vsu.ru

Tel.: 8(473)239-29-35